

Глава 3

ТРАДИЦИОННЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ВДОВЫ И РАЗВЕДЕННОЙ ЖЕНЩИНЫ У КАЗАХОВ

Смерть связана с перераспределением социальных ролей в коллективе, что, в свою очередь, влечет за собой изменение экономического и юридического положения членов семьи умершего в обществе. Смерть одного из членов коллектива создавала ситуацию социальной напряженности — временного конфликта, который разрешался как посредством ритуала проводов души покойного, так и посредством традиционной правовой системы. Анализ социального контекста (устойчивых адатно-шариатных норм и вариативной повседневной юридической практики) позволяет определить специфику общественного статуса казахской женщины, которая находится или находилась до второго замужества в положении вдовы. Женщина после окончания траура могла вновь выйти замуж или сохранить статус вдовы. Целесообразно рассмотреть оба случая.

Брак прекращается не только со смертью одного из супругов, но и в случае развода. Не состоя в браке, разведенная женщина в определенном смысле напоминает вдову.

3.1. Траур

Важнейшими элементами траурной обрядности у казахских женщин являлись смена прически, костюма и в первую очередь смена головного убора, которая предполагала не только отказ от головного убора, носимого женщиной до смерти мужа, но и выбор нового среди нескольких возможных вариантов. Форма и цвет головного убора вдовы, так же как покррой и цвет траурной одежды, зависели от не-

скольких факторов, прежде всего от родовой принадлежности покойного и его возраста.

Если умерший мужчина был средних лет, то вдова и незамужние дочери надевали черный платок и черное платье. Черный цвет — цвет смерти человека в расцвете жизненных сил («мужчины с черной бородой» — *қарасақал*). Если умершему не исполнилось еще тридцати лет (*жас жігіт* — «молодой парень»), то его вдова надевала на голову красный платок (Диваев 1897: 187). Как уже упоминалось, в традиционной культуре кочевников красный цвет преобладал в costume девушек и молодых женщин до 30 лет и был связан с символикой плодородия, способностью к деторождению у молодых людей в репродуктивный период жизни. В погребальной обрядности красный цвет становится знаком преждевременной, а значит, неестественной смерти. Если же умерший мужчина перешагнул рубеж среднего возраста и вошел в пору старости, вдова в знак траура носила белый головной убор, что подтверждается параллелизмом в расцветке траурных флагов, устанавливаемых по случаю смерти мужчины, и вдовьих головных платков.

Есть единичное свидетельство А. Диваева, в котором сообщается, что женщина, муж которой умер, достигнув шестидесяти лет, не соблюдала траур в одежде — не меняла повседневный головной убор на траурный. Такую вдову казахи называли *кара салмады* (Диваев 1897: 185), а о ее покойном муже говорили: «Он был старым» (*Ол қарт еді*). Очевидно, речь идет о пожилой вдове, головной убор которой традиционно был белого цвета, и в таком случае вдова, действительно, могла не менять его на время траура, а носить в течение всего траурного периода до момента снятия траурных одежд на годовых поминках. Часто вдовы не только не стирали траурные головные уборы, но и не чинили их даже в случае необходимости.

И. Алтынсарин отмечал, что вдова умершего «на обыкновенный головной платок надевала еще черный, называемый кара» (Алтынсарин 1870б: 119), под которым, видимо, здесь следует подразумевать траурный платок вообще, так как среди цветов траурных платков все же преобладал черный.

Цвет траурной женской одежды варьируется и в зависимости от родственных отношений между покойным и самой женщиной. Н.Ф. Катанов сообщает, что у казахов в отличие от вдовы, надевающей черную одежду, дочь покойного одевалась в белое платье и надевала красную шапочку (Катанов 1894: 23). По свидетельству Л. Баллюэка, у казахов Младшего жуза знаком траура родственниц убитого

служил черный халат (цит. по: Фукс 1981: 155). Замужняя дочь покойного вообще не меняла головной убор и одежду на траурные, а оплакивала своего отца, только если приезжала в дом своих родителей. Замужняя дочь воспринималась уже как гостья в роду своего отца, после свадьбы она становилась членом семьи мужа, и соблюдение траура по отцу для нее становилось необязательным.

Таким образом, траурная одежда женщин являлась знаком, не только маркирующим их положение на весь период траура, но и содержащим информацию о самом покойном, о степени родства с ним. Посредством одежды вдова могла показать окружающим свое согласие на повторное замужество или отказ от брака. По данным Ф.А. Фиельструга, если вдова была молода и впоследствии думала вновь выйти замуж, то в присутствии посторонних она накидывала на голову второй *шарши* (*шаршы*. — И.С.) (буквально «квадрат», платок, повязка), закрывая им и лицо. Женщина, которая решила отказаться от брака в будущем, оставляла *шаршы* повязанным по-прежнему, как и до смерти мужа (Фиельструг 2002: 127).

Существенные отличия в траурном убранстве вдов зависели и от возраста самой вдовы. Кроме того, что у казахов молодая вдова в отличие от пожилой закрывала во время траура лицо, она надевала черную верхнюю одежду, снимала верхний тюрбан и *кимешек*, которые носила в замужестве, надевая простой *кимешек*, неорнаментированный. Такой кимешек более характерен для костюма женщины 50–55 лет. Пожилая вдова ограничивалась только сменой кимешека, надевая таковой с белой вышивкой по кайме вокруг лица (Фиельструг архив, л. 260). Таким образом, одежда пожилой вдовы оказывалась менее семантически нагруженной, чем у молодой вдовы. Возможное объяснение такой зависимости траурного убранства женщины от ее возраста состоит в разнице последовательности дальнейших событий жизненного цикла для молодой вдовы и пожилой: следующим естественным этапом жизни пожилой вдовы станет старость и смерть, молодой — повторный брак и рождение детей. Это предположение подтверждается замечанием Ф.А. Фиельструга о том, что старые женщины, даже будучи замужем, надевали на голову вдовьи повязки — *кемпір байлау* (Фиельструг архив, 1927, тетрадь II, с. 39) (*кемпір байлау*. — И.С.). Это значит, что один из самых значимых элементов траурной одежды вдовы — головной убор — оказывался маркером возраста женщины и подчеркивал специфику статуса старухи в обществе. Данный пример демонстрирует, как один и тот же элемент костюма в разных контекстах наделялся разным значением. В одном случае он подчеркива-

ет статус женщины, находящейся в трауре, и становится составной частью траурного костюма, в другом — отмечает статус пожилой замужней женщины в обществе и становится элементом ее костюма. Не только головной убор, но и полный костюм вдовы наиболее приближен к костюму пожилой женщины, вышедшей из фертильного возраста. Костюм и той, и другой отличает однообразие и сдержанность, преобладание в одежде холодных темных тонов.

На время траура вдова снимала с себя все украшения. Вдова вновь могла надеть на себя кольца, браслеты, серьги только после окончания годовых поминок и завершения обряда вывода ее из состояния траура. В костюме женщины украшения отсутствуют только в трех случаях: во время родов, в случае ее смерти (перед облачением в саван женщины снимаются все украшения) и в случае траура.

Еще один знак, подчеркивающий особый статус женщины, находящейся в трауре, — изменение прически: расплетание кос. В традиционных представлениях казахов распущенные волосы женщины символизировали смерть кого-либо из близких. Расплетала вдове покойного косы посторонняя женщина, не состоявшая с ней в родстве (Катанов 1894: 23). Как правило, обряд заплетания кос вдове проводили в один из поминальных дней (на третий, седьмой, сороковой день после смерти мужа или на годовых поминках). Жена младшего брата покойного также должна была расплести волосы, но особым образом — только концы кос, перевязывая их посередине (Катанов 1894: 23). Иногда все родственницы покойного заплетали волосы еще до сорокового дня, а вдова ходила простоволосая до окончательных поминок. Если вдова начинала заплетать волосы раньше положенного срока, то это, с точки зрения носителей традиции, могло вызвать несвоевременную смерть кого-либо из членов семьи, чаще всего детей (Фиельструп 2002: 170–171).

Женщина, находящаяся в трауре, была обязана руководствоваться рядом предписаний и запретов в своем поведении. Действие некоторых запретов находилось в зависимости от степени родства женщины по отношению к покойному. Если вдова обязана была закрывать лицо во время траура, то невестка, которая по обычаю должна закрывать лицо в течение первого года замужества, в случае смерти ее свекра, наоборот, снимала покрывало (П... 1878: 49, 51).

В течение траура семья покойного не участвовала в праздниках и увеселениях, не справляла свадеб. Н.Ф. Катанов отмечает, что жена и дочь умершего человека в продолжение года выходили на улицу с закрытыми лицами и не принимали участия в работах вне дома. Их

работу выполняли близкие родственники (Катанов 1894: 25)¹. До годовых поминок женщина избегала контактов с посторонними людьми, в их присутствии она сидела или отвернувшись, или за пологом, не вступая в разговор. Запреты на общение несколько смягчались в отношении вдовы с одноаульцами, с которыми женщина продолжала общаться, но только в самых необходимых случаях.

Таким образом, состояние траура для женщины оказывается маркированным несколькими способами и отражено как в ее поведении, так и во внешнем виде. Следование запретам, изменение прически, смена одежды и снятие украшений в контексте погребально-поминального ритуала демонстрировали состояние перехода женщины в новый статус, что требовало от нее подчинения новым предписаниям и нормам поведения в повседневной жизни и в обряде.

3.2. Право левирата (*эмеңгерлік*). Права наследования имущества родственниками покойного

Юридические основы брака в адатном и шариатном праве близки, но не тождественны. Жена в «классической» исламской семье не входит в род мужа и теоретически обладает полной родовой автономией (Шарль 1959: 47). Обратную ситуацию можно наблюдать в правовой системе кочевников — правами на женщину и ее приданое обладает не только муж, но и весь его род. Право родственника умершего супруга жениться на его вдове, декларируемое нормами адата, не зафиксировано в шариате. Именно обычное право признавало безоговорочное превосходство рода над индивидом, на этом утверждении основывалась родовая самоидентификация кочевников.

Обычай левирата у казахов назывался *эмеңгерлік*. *Эмеңгер* в переводе означает «брат умершего, наследующий ему» (Катанов 1904: 96; Добросмыслов 1904: 56). В казахском языке сохранилось специальное название для вдовы, желающей после окончания траура повторно выйти замуж. Такую женщину именовали *жесір* (см., напр.: Аргынбаев 1978: 100); у Гродекова искаженно: *есир* (1889а: 85–86). Казахи употребляют также выражение *жесір дауы* (Аргынбаев 1978: 101), что в переводе означает тяжбу, распрю в результате нарушения левират-

¹ В отличие от вдовы и дочери покойного, остальные женщины в семье умершего на сороковой день после его смерти уже могли свободно передвигаться по аулу и посещать соседей.